

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СРЕДЕ КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ ВИТИМО-ОЛЕКМИНСКИХ ПРИИСКОВ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.¹

Е.А. Волжанина

Продолжена исследовательская работа по изучению демографической ситуации в среде коренных малочисленных народов Севера России на основании материалов Приполярной переписи 1926–1927 гг. Представлен анализ этнодемографической ситуации в среде кочевых групп тунгусов и якутов, проживающих в районе добычи золота, традиционное природопользование которых существенно трансформировалось к началу XX в. В результате анализа первичных источников выявлены характерные демографические черты, свидетельствующие о разрушении традиционных связей в новых условиях хозяйствования. Наблюдается отбор населения, готового сохранять традиционный образ жизни, приспособлявая его к новым обстоятельствам, неизбежно сопровождающийся обеднением и маргинализацией части населения. В новой ситуации наиболее уязвимыми демографическими показателями являются соотношение полов, ведущее к диспропорциям половозрастной и брачной структур в пользу мужчин, состав и размер семей. Эти процессы могут рассматриваться в качестве общих для народов Севера, испытавших на себе влияние промышленного освоения в XX в.

Этнодемография, эвенки, якуты, коренные народы Севера, Приполярная перепись.

В первое десятилетие XXI в. в исследовательских кругах отмечается возрождение интереса к материалам первых советских переписей, проводившихся в районах проживания народов Севера. Несмотря на неоднократное использование в работах, посвященных этногенезу, этнической истории и традиционному природопользованию северных народов [Долгих, 1970; Васильев, 1979; Крупник, 1989], постановка новых целей и задач, диктуемых временем, появление компьютерных методов обработки массовых статистических данных позволяют увеличить их эвристические возможности и делают ценным источником для всестороннего изучения традиционной культуры, этнокультурного взаимодействия населения Севера, реконструкции традиционной структуры расселения и маршрутов кочевания. Особенностью современных работ, в отличие от предшествующих, стало проведение исследований на уровне локальных групп: отдельных поселений, хозяйств, людей [Туруханская экспедиция..., 2005].

Данная статья выполнена в русле последней тенденции и представляет анализ этнодемографической ситуации в среде кочевых тунгусов и якутов Бодайбинского района Иркутского округа на основании оригинальных материалов Приполярной переписи. Интерес к данной группе обусловлен ее отличиями от большинства народов Севера в рассматриваемый период в связи с утратой многих традиционных хозяйственных и бытовых черт из-за проживания среди приискового пришлого населения.

Подробное социально-демографическое и этнографическое описание бодайбинских кочевников по материалам Приполярной переписи составил и опубликовал А.Т. Самохин вскоре после ее проведения [1929]. Выполнив демографические расчеты в отношении каждого стойбища, обратив внимание на показатели, отрицательно влиявшие на численность населения, и их ухудшение по сравнению с данными Всероссийской переписи 1897 г., он сильно сомневался в способности тунгусов к самовоспроизводству и прогнозировал дальнейшее уменьшение их численности в будущем [Там же, с. 11, 13]. Выполненная в соответствии с идеологическими настроениями своего времени, эта работа до сих пор оставалась единственной, посвященной данной локальной группе.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Данная работа представляет сокращенный вариант статьи «Ethnodemographic characteristics of the nomadic populations in the area of Vitim-Olekma gold mines during the first quarter of the 20th century», предложенной для публикации на английском языке в журнале *Sibirica: Interdisciplinary Journal of Siberian Studies*.

В отличие от работы А.Т. Самохина в настоящей статье используется более широкий набор демографических характеристик, полученных в соответствии с современными методами демографического анализа, что позволяет точно оценить демографические тенденции в группе в рассматриваемый период. Кроме того, источниковую базу работы составили не только 25 похозяйственных карточек населения Бодайбинского райисполкома, 40 — Жуинского совета и 3 поселенных бланка, но и поселенный список граждан Жуинского сельского общества 1926 г.

Согласно концепции авторов коллективного проекта, посвященного пространственной демографии населения долины р. Жуи, тип хозяйства, сложившийся в его среде, представляет «...тонко отлаженный механизм использования возможностей для охоты и торговли, открывшихся с развитием добычи полезных ископаемых и пушного промысла и существовавшим в территориальных рамках “транзитных зон”, по которым шло освоение горно-таежного пространства Байкало-Патомского нагорья...» [Андерсон и др., 2009, с. 224–225]. Идея данной работы заключается в том, что зафиксированные переписью демографические характеристики кочевников (распределение по полу и возрасту, отношение к браку, структура семей и размер хозяйств, показатели рождаемости, смертности и естественного прироста) являются прямым следствием наблюдаемой хозяйственной адаптации к социально-экономическим и историческим условиям существования. Отмечаемая исследователями абсурдность некоторых показателей объясняется нами не столько неизбежным недоучетом населения, допущенным в процессе выполнения переписных работ в труднодоступном районе, сколько результатом особенностей формирования переписанной группы.

Бодайбинский район образован в составе Иркутской области в 1925 г. из бывшего Олекминского округа Якутской области, охватывает в географическом отношении Витимо-Патомское нагорье, коренным населением которого являются тунгусы [Бодайбинский район...]. С открытием в середине XIX в. бодайбинско-олекминской золотопромышленной системы указанная территория стала центром притяжения пришлых людей для выполнения старательских работ. Это способствовало в свою очередь росту численности населения, появлению новых населенных пунктов, их обустройству и складыванию разветвленной транспортной схемы на основе использования речных и сухопутных путей [Там же]. В 1926 г. наличное население Бодайбинского района насчитывало 21 872 чел. [Всесоюзная перепись..., 1928. С. 4], административно распределяясь между районным центром г. Бодайбо (1863–1903 гг. — поселок Бодайбинская резиденция, с 1903 г. — город), Жуинским (с 1923 г., центр — п. Перевоз) и Светловским (с 1925 г., центр — п. Светлый) сельскими советами [Дальняя тайга...]. В г. Бодайбо проживало 5488 чел. [Всесоюзная перепись..., 1928, с. 9].

Численность и расселение кочевого населения Бодайбинского района. При подведении официальных итогов Всесоюзной переписи 1926 г. сведения о тунгусах не давались отдельно из-за их малочисленности, зато известно, что якутов насчитывалось 1469 чел. (1152 мужчин), из них только 21 чел. проживали в городе [Там же, с. 258]. Статистический учет кочевого населения, значительную долю которого составляли тунгусы, был выполнен в рамках программы Приполярной переписи в апреле и сентябре 1927 г. на территории, находящейся в подчинении Бодайбинского районного исполнительного комитета, в июне — июле 1927 г. — Жуинского сельского совета. В результате были выявлены географические районы кочевания тунгусов и якутов и их примерная численность. Согласно заполненным карточкам, в 65 переписанных кочевых хозяйствах проживало 227 чел. Из них 25 хозяйств (74 чел.) кочевали на территории Бодайбинского райисполкома, их летние стойбища, условно принятые за пункты относительной оседлости, располагались в бассейне р. Мамакан и устье р. Тельмама, на расстоянии 32 км от г. Бодайбо [Самохин, 1929, с. 6]. По национальному составу хозяйства распределялись следующим образом: 12 тунгусских, 10 якутских, 2 якуто-тунгусских и 1 тунгусо-русское, в которых насчитывалось 49 тунгусов, 24 якута². Перепись показала значительное большинство кочевников (40 хоз. и 153 чел.) на территории Жуинского с/с, чьи летние стойбища находились в районе оз. Толондо (8 хоз.) и устье р. Хомолхо (32 хоз.) и были удалены от г. Бодайбо на 262 и 365 км соответственно [Там же, с. 6]. Это 25 тунгусских, 10 якутских, 3 тунгусо-якутских и 2 якуто-тунгусских хозяйства. В них насчитывалось 123 тунгуса и 30 якутов. Таким образом, по данным Приполярной переписи, общая численность тунгусов в районе составила 172 чел., кочевых якутов — 54 чел.

² А.Т. Самохин в своей работе не приводит данные о смешанных хозяйствах.

Некоторые особенности демографических процессов в среде кочевого населения...

В отношении бодайбинских тунгусов А.Т. Самохин писал, что Приполярная перепись не отражает их реальной численности и дает очень заниженные цифры [1929, с. 6]. О величине недоучета позволяют судить ориентировочные данные Бодайбинского райисполкома, полученные накануне выполнения переписных работ, согласно которым «по приблизительному подсчету в районе имеется до 350 тунгусов» [Там же]. Но и эту цифру А.Т. Самохин считает неудовлетворительной [Там же]. На наш взгляд, определенные трудности в установление численности тунгусов вносила недавняя организация района, границы которого, число сельских советов и населенных пунктов находились в процессе уточнения. Если по данным Всесоюзной переписи 1926 г. на территории Бодайбинского района действовали три вышеперечисленные административные единицы, то А.Т. Самохин добавляет к ним Мачинский и Нелятский советы [Там же]. Село Мача в 1925 г. вошло в состав Жуинского с/с [Дальняя тайга...].

Реконструируя численность тунгусов на протяжении XVII — начала XX в., исследователи замечают ее относительное постоянство в долине р. Жуи [Андерсон и др., 2009, с. 236]. Стабильный характер населения, варьирующий в пределах от 300 до 400 чел., указывает, что присущая им система хозяйствования и ее последующие изменения не стимулировали рост, в отличие от того, что мы наблюдаем на примере кочевых народов тундровой зоны (европейских и сибирских ненцев, чукчей, коряков и др.). У последних переход к крупностадному оленеводству послужил мощным толчком к увеличению численности в XIX в. [Крупник, 1989, с. 159–160]. Если сам по себе хозяйственно-культурный тип оленных охотников-рыболовов обеспечивал только простое воспроизводство населения при прочих благоприятных условиях, то к числу факторов, сдерживающих увеличение числа тунгусов, необходимо добавить инокультурное влияние, испытываемое ими со стороны якутов и русских, заселяющих их территорию с XVII в.

Якуты появляются в бассейнах рек Витим, Олекма, Чара начиная со второй половины XVII в. [Долгих, 1960, с. 489–490]. Уже в первой трети XVIII в. численность якутов в Олекминском округе превышала численность тунгусов в 3 раза [Майнов, 1898, с. 18]. Среди причин, стимулирующих приток якутов на данную территорию, называют их стремление избежать наказания за восстания против русского начальства в местах прежнего местожительства, наличие земельных угодий, пригодных для скотоводства [Миллер, 2005, С. 67]. Масштабы якутского переселения послужили причиной официального закрепления земель вдоль левого берега р. Витим Олекминским земским судом в 1800 г. за тунгусами [Майнов, 1898, с. 28]. Кроме того, если первоначально в конце XVIII — начале XIX в. тунгусы по собственной инициативе сдавали часть своих угодий в аренду русским охотникам в качестве оплаты кредитов, взятых в неудачные для промыслов годы [Там же, с. 32], то с середины XIX в. их начинает притеснять русское приисковое население [Там же, с. 33]. О ведущей роли миграционного фактора в формировании населения Бодайбинского района свидетельствует состав граждан Жуинского с/с, в котором 103 (64 %) из 161 хозяйства являются пришлыми (рассчитано по: [БГГА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3]). Только в период с 1921 по 1926 г. на территории совета поселилось 25 якутских и 4 русских хозяйства, насчитывающих 50 и 10 чел. соответственно [Там же]. При этом якуты-охотники фиксируются среди ранних переселенцев (10 и более лет назад), тогда как среди поздних преобладают чернорабочие приисков [Там же].

Специфика занятий русских и якутов определила отличия в структуре их расселения. Занимаясь сельским хозяйством, главным образом полеводством, и горным делом, русские селились централизованно в п. Перевоз и на прииске «Светлый». Сфера занятости якутов расширялась за счет охотничьего промысла и скотоводства, что обуславливало их выбор в пользу дисперсного расселения. Якуты, чей источник существования составляли сельское хозяйство и охота, в большинстве случаев выбирали те же места для поселения, что и тунгусы. Их стойбища располагались в районе оз. Толондо, по рекам Жуя, Ченча, Вача, Тельмама, Мамакан, Конкудер, Брызгунья, Дадыхта, Кевохта, Бисяг, Витим, Мама, Барчик, Хомолхо, Нечера, Бужуихта, Бульбухта, Кулебрянник, Бугырыкта, Балаганах, Малый Патом. Кроме того, тунгусы и якуты проживали в населенных пунктах: пп. Перевоз, Кропоткино, Светлый.

Сложившаяся структура расселения коренного и пришлого населения в 20-е гг. XX в. и совместное использование одних и тех же территорий предполагают существование социально-экономических и семейно-брачных взаимоотношений между ними. Отсутствие роста численности тунгусов могло быть также результатом ассимиляционных потерь, оценить масштабы которых, к сожалению, не представляется возможным на основании имеющихся источников. В населенных пунктах встречаются указания на «неважное» отношение тунгусов, проживающих в

районе р. Мамакан, к якутам и «враждебное» — к русским, «потому как одни, так и другие ихобирают», а последние относятся к коренному населению «как к дикарям» [ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 4]. При этом только 16,7 % тунгусов данного стойбища (8 из 48 чел.) могли общаться на русском языке (рассчитано по: [Там же. Л. 59]). Это значительно меньше, чем на оз. Толондо и в устье р. Хомолхо (80 и 55,3 % соответственно) [Там же], чье население участвовало в лесных заготовках на прииске «Светлый», контактировало с Жуинским приисковым населением, участвовало в доставке грузов на Мачу [Самохин, 1929, с. 14–15]. Среди якутов русский язык был распространен на всех стойбищах: 30,8; 40 и 21,1 % соответственно (рассчитано по: [ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 2. Л. 59]).

А.Т. Самохин отмечал, что «многие тунгусы легко изъясняются на якутском языке» [1929, с. 14]. Похозяйственные карточки позволяют говорить о языковом влиянии якутов на тунгусов. Именно в среде тунгусов чаще встречались люди, считавшие родным языком якутский. Такие случаи зафиксированы в округе г. Бодайбо, на стойбищах, расположенных по рекам Мамакан и Тельмама, где тунгусские и якутские хозяйства представлены практически поровну [ГАИО. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 78. Л. 21, 23, 33]. Только в одном случае якут указал сразу два языка: якутский и тунгусский [Там же. Л. 49]. В данной группе фиксировалось родство тунгусов и якутов между собой на основе заключения смешанных браков: «у тунгусов жены якутки есть у якутов жены тунгуски» [ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 2. Л. 3]. Приполярной переписью было зафиксировано семь смешанных хозяйств якутов и тунгусов. Возможно, что таких браков было больше. Современные материалы полевых исследований свидетельствуют, что браки бодайбинских тунгусов с якутскими женщинами были довольно распространенным явлением в прошлом, следствием которого стало то, что современные бодайбинские эвенки говорят исключительно на якутском языке [ПМА. Бодайбинский р-н, 2009].

Что касается браков тунгусов с русскими, то перепись зафиксирована одна тунгусо-русская кочевая семья в районе р. Тельмама. Хотя знание русского языка, длительные контакты и одинаковое вероисповедание не исключают распространение подобных браков в среде тунгусов. В отношении жуинских тунгусов отмечалось, что у них выбор супруга не определялся его происхождением: «женятся русские на тунгусах и наоборот» [ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 2. Л. 42 об.]. У тунгусов, проживающих в устье р. Хомолхо, стремление породниться с русскими выражалось в том, что крестных родителей ребенку старались приглашать из «близживущих русских» [Там же. Л. 39].

В первой четверти XX в. для тунгусских хозяйств были характерны сохранение решающего значения охотничьего промысла в обеспечении средств существования, небольшие амплитуды перекочевок в определенном районе, использование переносных и стационарных жилищ в зависимости от сезона, продолжительное проживание на одном месте, прохождение кочевого маршрута через прииск, малочисленность оленьих стад (от 2 до 25 оленей), наличие в хозяйствах рабочего и крупного рогатого скота. Сезонная смена места жительства диктовалась экономической целесообразностью, а именно занятиями охотой, рыбной ловлей и «возможностью получения побочного заработка на лесосеках» [ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 2. Л. 22, 50]. Только на стойбище Хомолхо среди причин, обуславливающих выбор путей кочевания, упоминается также сезонная смена пастбищ для оленей [Там же. Л. 38]. Поэтому у регистратора сложилось впечатление о беспорядочном кочевании семей [Там же. Л. 6, 38]. Причинами изменений характера природопользования бодайбинских тунгусов являются уменьшение численности пушного зверя из-за его перепромысла и лесных пожаров, упадок оленеводства из-за эпизоотий, захват якутами и русскими их угодий [Патканов, 1906, с. 64–71]. Открытие приисков только усугубило все эти факторы [Там же, с. 72].

По нашему предположению, в 1927 г. было переписано прежде всего население, сконцентрированное около приисков, находящееся под сильным влиянием пришлого населения, что подтверждается замечанием регистратора о том, что переписанные кочевые якуты и тунгусы являются «пришельцами» в Бодайбинском районе: «якуты из Вилуйского округа, тунгусы из Байкала, Верхней Ангары и Алексинского Округа» [ГАИО. 1468. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Самохин, 1929, с. 19–20]. В 1927 г. бодайбинские тунгусы характеризовались наличием «чужеродных элементов», разнородным составом, преобладанием территориальных связей над родовыми [Самохин, 1929, с. 20]. Скорее всего, стойбища представляли пункты совместного проживания, возникшие в процессе оседания безоленных и малооленных кочевников в районе приисков. Это объясняет неудовлетворительную обеспеченность их жильем. Так, на стойбище Мамакан 6 из

Некоторые особенности демографических процессов в среде кочевого населения...

12 тунгусских и 3 из 10 якутских хозяйств проживали в чужих жилищах. На стойбище Толондо делили жилье со своими товарищами 2 из 4 тунгусских и 2 из 4 якутских хозяйств. Жилищная ситуация была лучше на стойбище Хомолху, где 3 из 21 хозяйства тунгусов (14,3 %) и 4 из 10 хозяйств якутов (40 %) не имели собственного дома или чума. При этом бездомные хозяйства встречаются как среди безоленных, так и среди оленных. Возможно, что сами хозяева рассматривали свое проживание около приисков как временное явление, поэтому не торопились обустроиваться.

Демографическая ситуация. Согласно демографическому анализу, выполненному А.Т. Самохиным, отрицательные демографические характеристики в среде тунгусов и якутов, а именно «крупный перевес мужского населения над женским», малолюдность семейных хозяйств, низкая доля детей в общей структуре населения, отсутствие естественного прироста и отрицательное сальдо миграции, преобладали над положительными [Самохин, 1929, с. 11, 13, 14].

Полученные в результате расчетов демографические характеристики для бодайбинских кочевников не являются типичными для народов Севера в первой четверти XX в. Несмотря на то, что все исследователи обращали внимание на высокую долю мужчин в составе тунгусов и якутов [Майнов, 1898, с. 22; Патканов, 1906, с. 96–97], показатели в 1927 г.: 126 и 157 мужчин на 100 женщин соответственно — не укладываются в привычные рамки (табл. 1). При таком соотношении полов доля мужчин составляла 55,8 и 61,1 %. Тот факт, что среди тунгусов, проживающих в районе приисков, мужчин было больше, чем женщин, по сравнению с внеприисковым населением, подтверждается данными С. Патканова. А именно соотношение полов для тунгусов, проживающих в Олекминской системе приисков, в 1897 г. выглядело как 118 мужчин на 100 женщин (рассчитано по: [Патканов, 1906, с. 94]), тогда как в «северо-западной части округа на землях Жуюганских тунгусов, но вне приисков» среди «главной массы Олекминских тунгусов» — 105 мужчин (рассчитано по: [Там же]). Одинаковое число мужчин и женщин в составе тунгусов Витимской системы приисков, на наш взгляд, не противоречит доказываемому положению из-за их малочисленности — 52 чел. [Там же].

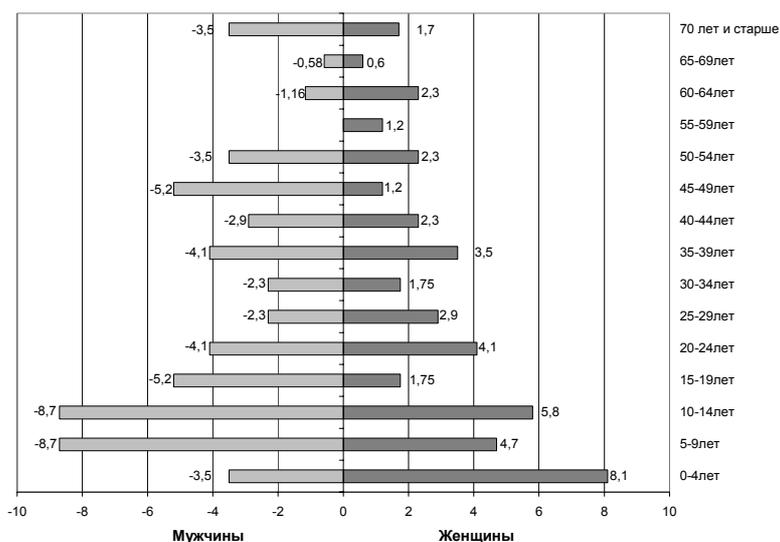
Таблица 1

Демографические показатели, характеризующие половозрастной состав кочевого населения Бодайбинского района по данным Приполярной переписи 1927 г.*

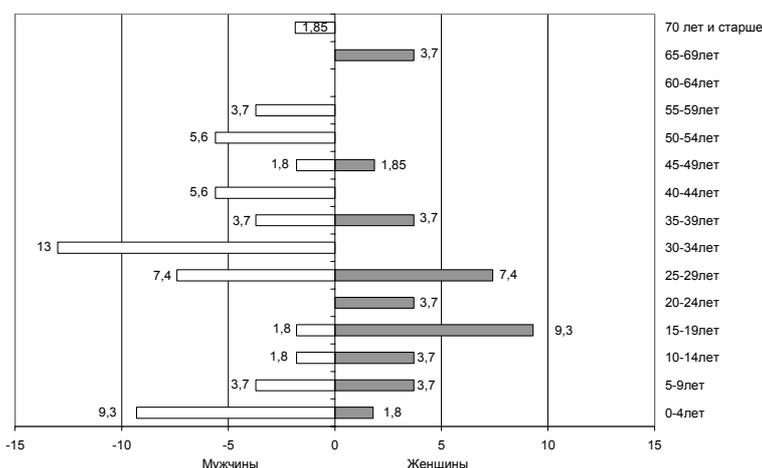
Демографический показатель	Мужчины	Женщины	Всего	Соотношение полов, мужчин на 100 женщин
<i>Тунгусы</i>				
Кол-во человек	96	76	172	126
0–14 лет, %	21,0	18,6	39,6	113
15–54 лет, %	29,6	19,8	49,4	150
55 лет и старше, %	5,2	5,8	11,0	90
Итого, %	55,8	44,2	100	
Медиана, лет	20,5	20	20	
Сред. возраст, лет	27,8	25,5	26,8	
<i>Якуты</i>				
Кол-во человек	33	21	54	157
0–14 лет, %	14,8	9,2	24	160
15–54 лет, %	38,9	26	64,9	150
55 лет и старше, %	5,6	3,7	9,3	150
Возраст не указан, %	1,8	—	1,8	
Итого, %	61,1	38,9	100	
Медиана, лет	31	20	28	
Сред. возраст, лет	30,3	24,8	28,1	

* Расчеты, выполненные на основании оригинальных бланков, показали расхождения с данными, опубликованными А.Т. Самохиным. Согласно А.Т. Самохину, насчитывалось тунгусов — 97 мужчин и 75 женщин [1929, с. 11]; якутов — 32 мужчин и 23 женщины [Там же, с. 12].

Расчеты показателя по возрастным группам и распределение по полу и пятилетним возрастным интервалам тунгусов демонстрируют в большинстве случаев преобладание мальчиков среди детей до 14 лет, мужчин среди трудоспособного населения, небольшое преимущество женщин в возрастных группах старше 54 лет (9 мужчин и 10 женщин), что может свидетельствовать, с одной стороны, о гендерных различиях в смертности, с другой — что прииски притягивали прежде всего мужчин, предоставляя им соответствующую работу (рис. 1, а).

а

б

Рис. 1. Распределение кочевников Бодайбинского района по полу и возрасту по данным Приполярной переписи 1927 г.: а — тунгусы; б — якуты

В пользу высокой женской смертности в возрасте от 10 до 40 лет свидетельствуют расчеты И.И. Майнова, выполненные на основании церковных записей двух приходов Якутского округа [1898, с. 59–60]. Согласно его данным, смертность мужчин и женщин выравнивается только после 65 лет [Там же]. С. Патканов объяснял наблюдаемую ситуацию несовершенством учета кочевого населения в метрических книгах: «...Дело в том, что без сомнения указанная чрезмерная смертность женщин в цветущем возрасте объясняется тем обстоятельством, что из мужчин этих возрастов в записи о смертных случаях попадают лишь несколько более половины; остальные же или умирают на стороне и заносятся в списки чужих приходов или же погибают бесследно в тайге, где о их гибели иногда догадываются лишь по прошествии нескольких лет, когда о них долго не получалось никаких известий. <...> между тем как женщины, живущие в семье и менее подвергающиеся опасности бесследно погибнуть во время передвижения ради промысла, реже избегают регистрации со стороны священника. <...> Так как старики в меньшей степени занимаются охотничьим промыслом, то по этой же причине смертность мужчин в воз-

Некоторые особенности демографических процессов в среде кочевого населения...

расте от 40 до 65 лет приближается к смертности женщин и даже превосходит ее по неизвестной для нас причине, после 65 года переставшей действовать, когда смертность у обоих полов выравнивается» [1906, с. 38]. К сожалению, данные Приполярной переписи не отражают полностью движение населения за 1924–1926 гг. Согласно переписным данным, среди тунгусов за два года умерли 2 мужчин и 1 женщина, среди якутов — 5 мужчин и 7 женщин [Материалы..., 1929, с. 171].

Согласно нашему предположению, диспропорция полов в пользу мужчин в составе бодайбинских тунгусов могла быть обусловлена рождением большого числа мальчиков по сравнению с девочками, высокой женской смертностью из-за ранних и частых родов и женских болезней при отсутствии медицинской помощи или предоставлении ее исключительно на платной основе. Доказательством первого предположения служит тот факт, что число мальчиков больше девочек в возрастных группах от 5 до 14 лет в 1,5–1,8 раза, исключения представляют только годы, предшествующие переписи, когда наблюдается обратная ситуация. В возрасте от 0 до 4 лет насчитывается 14 девочек и только 6 мальчиков. Согласно переписным данным, в период с 1924 по 1926 г. родилось 8 девочек и 5 мальчиков [Материалы..., 1929, с.171]. В пользу второго указывает то, что овдовевшие мужчины встречаются главным образом в возрасте от 20 до 44 лет, тогда как женщины становились вдовами после 40 лет.

Недостаточное количество женщин среди якутов, являющихся пришлым населением в Бодайбинском районе, свидетельствует об участии в переселении преимущественно одиноких или молодых малосемейных мужчин (рис. 1, б). В составе якутов насчитывалось только 5 женщин в возрасте старше 29 лет, двум из них было по 65 лет.

Сведения из Поселенного списка граждан Жуинского сельского общества подтверждают существование значительной диспропорции полов в пользу мужчин на рассматриваемой территории. Согласно его данным, у тунгусов на 100 женщин приходится 148 мужчин, у якутов — 163, тогда как у русских — 89 (рассчитано по: [БГГА. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 3]). Это превышает значения, полученные для любого из традиционных кочевых обществ: ненцев, селькупов, эвенков и других [Терлецкий, 1932, с. 22]. Согласно Всесоюзной переписи 1926 г., у ненцев Обдорского района доля мужчин насчитывала 51 %, а соотношение полов выглядело как 104 в пользу мужчин, в 1934 г. у лесных ненцев Верхнепуровского совета — 53,5 % и 115 [Volzhanina, в печати]. Расчеты для кочевого и оседлого населения районов расселения тунгусов (не включая русских) Киренского и Иркутского округов показали 101 и 106 мужчин на 100 женщин соответственно [Терлецкий, 1932, с. 20]. Соотношение полов у кочевых и оседлых тунгусов, охваченных переписью в 1926–1927 гг., выглядело как 106 и 108 мужчин на 100 женщин, у якутов — 106 и 102 [Там же, с. 22]. Сравнение по этому показателю указывает на отсутствие единства между разными локальными группами в составе эвенков и якутов, в силу социально-экономических особенностей существования и условий формирования на той или иной территории.

Недостаток женщин отразился на брачной структуре кочевых тунгусов. Подходящий возраст вступления в брак для девочек считался с 14 лет, юноши женились с 18 лет [Самохин, 1929, с. 19]. В некоторых семьях практиковалось обручение молодых еще в подростковом возрасте (13–15 лет) [Там же]. Следствием влияния русского приискового населения стало несоблюдение многих традиционных обычаев, связанных с заключением брака, уже в первой четверти XX в. Свобода выбора брачного партнера юношами и девушками, иногда без согласия родителей, необязательность выплаты женихом калыма родителям невесты, замена свадебного обряда регистрацией брака в сельском совете [Там же] создавали широкие возможности для создания семьи, в том числе этнически смешанной. При этом допускались браки не только патрилокального, но и матриликального характера [Там же].

По данным переписи, в 1927 г. абсолютное число состоящих в браке женщин и мужчин было одинаковым и равнялось 36 чел., но процентное соотношение выглядело не в пользу последних. В возрасте 16 лет и старше замужние женщины составили 85,7 %, девицы — 2,4 %, вдовы — 11,9 %, у мужчин соответствующие доли равнялись 58,1; 35,5; и 6,4 %. К достижению 25-летнего возраста все женщины состояли в браке. Согласно статистическим материалам, самой молодой жене было 18, а ее мужу, якуту по национальности, — 19 лет. Большинство мужчин обзаводились семьями в более позднем возрасте. Ни один из четырех мужчин в возрасте 16–19 лет не был женат. Обращает на себя внимание диспропорция полов в возрастных группах, считающихся подходящими для заключения брака. Среди 15–19-летних насчитывались только 1 девушка (замужем) и 4 юношей. Для сравнения: у якутов все девушки (5 чел.) и

юноши (1 чел.) этого возраста состояли в браке. Холостяки встречаются в возрастных группах 20–39, 45–49, 60–64-летних. Если у большинства кочевых народов в рассматриваемый период явления окончательного безбрачия или откладывания брака на неопределенный срок среди мужчин были связаны с необходимостью уплаты калыма, то здесь такую роль выполняла нехватка свободных женщин брачного возраста. Поэтому доля холостых мужчин значительно превышала долю незамужних женщин. Скорее всего, рано овдовевший мужчина часто не мог сделать следующий брачный выбор и продолжал вести хозяйство один. Сравнивая распределение по отношению к браку тунгусов и якутов Витимо-Патомского нагорья с данными для тундровых и лесных ненцев Ямала, можно отметить, что ситуация, когда в процентном отношении женатых мужчин и вдовцов насчитывалось меньше, чем замужних женщин и вдов, является общей для народов Севера. Вместе с тем у ненцев она обусловлена наличием полигамных браков, которые отсутствовали в рассматриваемых группах [Самохин, 1929, с. 19].

Еще одной традиционной чертой является то, что вдовы (матери или сестры главы семьи) проживали совместно с родственниками [ГАКК. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 78. Л. 17, 19, 42, 67, 107]. Не выявлено ни одного случая, чтобы женщина выступала главой хозяйства. Вдовцы проживали одиноко [Там же. Л. 101, 105], а если с ними оставались несовершеннолетние дети, то переходили в разряд глав неполных семей [Там же. Л. 3]. Только в одной семье престарелый отец, будучи вдовцом, жил вместе с женатым сыном [Там же. Л. 87]. Можно предположить, что овдовевшая женщина репродуктивного возраста достаточно быстро находила себе другого супруга. Данные похозяйственных карточек показывают, что большинство вдов были уже в пострепродуктивном или близком к нему возрасте. В возрастной группе 70 лет и старше 2 из 3 женщин были вдовами и только 1 из 6 мужчин — вдовец. Отсутствие разведенных и разошедшихся свидетельствует, что только смерть одного из супругов прекращала брачные отношения.

Что касается якутов, то в их среде 87,5 % женщин бракоспособного возраста (14 из 16) были замужем, а 12,5 % — вдовами. Все девушки в возрасте от 16 до 19 лет были замужем (у тунгусов данные возрастные группы отсутствовали в половозрастной структуре). При этом в 4 из 5 семей их супругам было от 31 до 35 лет [Там же. Л. 44, 47, 59, 87, 121]. В браке состояло 60 % мужчин, 20 % были холостяками, 16 % — вдовцами и 4 % — разведенными. Так же как и у тунгусов, недостаточное количество женщин отразилось на доле (высокая) неженатых мужчин в возрастных группах 30–44 лет. Кроме того, вдовцов насчитывалось больше, чем вдов. Двое из них (в возрасте 59 и 70 лет) проживали одиноко и двое (в возрасте 40 и 50 лет) были главами неполных семей [Там же. Л. 13, 55, 61, 115].

Тесной связи между условиями жизни, экономической состоятельностью мужчины и наличием у него жены не прослеживается. Тогда как у оленеводческих народов именно от женщины зависело обеспечение семьи жилищем и необходимой одеждой, поэтому холостые и овдовевшие мужчины с малолетними детьми жили у родственников или в чужих семьях и влачили жалкое существование. В составе рассматриваемой группы как семейные, так и холостые и вдовые мужчины могли ютиться «в жилищах своих соседей и товарищей по охоте» [Самохин, 1929, с. 16]. Игра в карты, карточные долги и употребление табака и спиртного в больших количествах были распространены среди тунгусов и якутов настолько широко, что их можно считать сдерживающими факторами для создания семьи. Записи в похозяйственных карточках о том, что глава семьи большую часть семейного бюджета пропивает и проигрывает в карты, встречаются довольно часто в отношении якутов Бодайбинского райисполкома, реже — тунгусов. Так, тунгус Якомин Афонасий Палович, глава семьи из 3 чел., «много пропивает и проигрывает в карты 200–300 рублей» [ГАКК. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 78. Л. 8]. В отношении якута Федорова Афонасия Гавриловича, вдовца, воспитывающего дочь, указывалось, что «хозяин слишком много играет в карты» [Там же. Л. 14].

Несмотря на утрату большинства традиционных черт, в однонациональных и смешанных брачных парах тунгусов и якутов в 1927 г. наблюдаются значительные возрастные различия между супругами. В тунгусских семьях муж старше жены в 78,1 % случаев, в среднем на 11,4 года, максимальная разница составила 26 лет. Жена старше в среднем на 6,2 года при максимальной разнице 11 лет. Средняя величина показателей не на много отличается от данных, полученных для ненцев Ямала в первой трети XX в.: 11–12 лет — у мужчин и 5–7 лет — у женщин. И у тунгусов, и у ямальских ненцев доля браков, в которых мужчины старше своих жен на 10 и более лет, составила 43 %, однако в ненецких семьях размах значительно шире и составляет от 1 до 50 лет. Браки, в которых муж значительно старше жены, как правило, были повторными для

Некоторые особенности демографических процессов в среде кочевого населения...

мужчины, вместе с тем необходимость уплаты калыма вынуждала ненецких мужчин выбирать себе жен из числа малолетних девочек, так как за них надо было платить меньше. Скорее всего, ограниченный брачный выбор заставлял тунгусских мужчин искать жену в более молодых возрастных группах. В смешанных семьях тунгусов с якутами разница в возрасте между супругами оказалась даже выше. В тунгусо-якутских семьях мужчина старше жены в среднем на 14,3 года, в якуто-тунгусских — на 13,3 года.

Анализ семейной структуры бодайбинских кочевников свидетельствует о распаде традиционных семейных связей, характерных для кочевых северных народов. Большая часть — 59,4 % тунгусских и 69,2 % якутских семей являлись нуклеарными (табл. 2). Только три семьи у тунгусов (9,4 %), у якутов — ни одной, состояли из двух родственных супружеских пар: родителей и женатого сына, который выступал главой семейного хозяйства. Выявлены следующие типы сложных семей: супружеская пара с детьми и родственниками по боковой линии (братья, сестры и племянники супругов), супружеская пара с детьми, родственники по боковой линии и один из родителей супругов (овдовевшая мать главы семьи с детьми), бездетная супружеская пара и родственники по боковой линии или один из родителей супругов (мать главы хозяйства).

Таблица 2

Семейный состав тунгусов и якутов

Тип семьи	Тунгусы			Якуты		
	Количество семей	Средний размер семьи	В них детей*	Количество семей	Средний размер семьи	В них детей
1. Полная семья: простая	19	3,8	2,2	9	3,1	1,7
Супружеская пара с детьми	15	4,3	2,2	6	3,7	1,7
Бездетная супружеская пара	4	2		3	2	
2. Полная семья: сложная	10	6,6	2,7	2	3	
В том числе						
Супружеская пара с детьми и родственники по боковой линии	3	5,7	1,7	—	—	—
Супружеская пара с детьми, один из родителей и родственники по боковой линии	2	8,5	3,5	—	—	—
Две супружеские пары	3	6,7	2,7	—	—	—
3. Неполная семья	1	2		2	2	1
Отец с детьми	1	2		2	2	1
4. Неполная семья, включающая разных родственников	2	3		—	—	—
Братья и сестры	2	3		—	—	—
<i>Всего семей</i>	32	4,6	2,3	13	2,9	1,5

*Дети обоих родителей, в том числе приемные, в возрасте от 0 до 16 лет включительно.

Расчеты показывают, что для бодайбинских кочевников были не характерны большие семьи. Средний размер семейного хозяйства тунгусов составлял 4,6 чел., якутского — 2,9 чел. Семьи из 5 и более человек имели сложный состав. Кроме того, большинство тунгусских (19 из 28) и якутских (8 из 8) семей были малодетными, т.е. с 1–2 детьми. Только в двух семьях тунгусов было 5 и 6 детей. Бездетные семьи (у тунгусов 15,8 %) чаще всего представляли молодые пары, у которых на момент переписи еще не было детей. Среднее число детей (2, 3) с трудом должно было обеспечивать простое воспроизводство поколений. Доля детей в структуре тунгусского населения (39,6 %) укладывается в рамки, характерные для народов Севера в этот период.

Насколько позволяют судить данные Приполярной переписи о естественном движении населения, у бодайбинских тунгусов фиксировался один из самых низких уровней рождаемости и смертности (табл. 3). Благодаря последнему показателю естественный прирост оказался положительным и был выше, чем для эвенков РСФСР. Все это не подтверждает обрисованную А.Т. Самохиным угрожающую ситуацию у тунгусов. Выявленная структура населения даже при наличии диспропорции полов свидетельствует о наличии смены поколений³. Наоборот, отрицательная величина естественного прироста для якутов не оставляет сомнений, что рост их численности в районе происходил за счет миграционного фактора прежде всего.

³ Согласно расчетам А.Т. Самохина, «глубокие старики (свыше 60 лет)» составляли около 20 % взрослого населения [1929, с. 13], тем не менее их доля в общей структуре населения — только 9,8 % (рис. 1, а).

**Показатели рождаемости, смертности и естественного прироста кочевого населения
Бодайбинского района Иркутского округа по данным Приполярной переписи
в сравнении с общими показателями (в ‰)***

	Национальность	Рождаемость	Смертность	Детская смертность	Естественный прирост
Бодайбинский район	Тунгусы	26,5	8,8	Нет	17,7
	Якуты	43,1	103,4	Нет	-60,3
Оседлое население тунгусских районов Киренского и Иркутского округов		53	50	Нет данных	3
Кочевое население тунгусских районов Киренского и Иркутского округов		45	41	Нет данных	4
РСФСР	Эвенки оседлые	41	37	10	4
	Эвенки кочевые	32	32	16	0
	Якуты оседлые	42	23	22	19
	Якуты кочевые	37	27	21	10
	Все оседлое население	42	26	18,1	17
	Все кочевое население	36	25	18	11
	Все население в районах Приполярного Севера	39	26	18	13

* Только народы Севера, охваченные Приполярной переписью 1926–1927 г. Источники: *Терлецкий П.Е.* Население Крайнего Севера: (По данным переписи 1926/27 гг.). Л., 1932. С. 49–50, 53, 55, 58. Расчеты для Бодайбинского района выполнены по средним данным за период с 01.10.1924 по 30.09.1926: *Материалы* Приполярной переписи 1926–1927 г. в Сибирском крае. Вып. 2: Территориальные итоги хозяйственной переписи. Новосибирск, 1929. С. 170–172.

В результате расчетов А.Т. Самохин установил, с одной стороны, прямую зависимость «между степенью оседлости и высотой семейного состава, при чем более обжитые и крупные стойбища (Хомолхо) дают и более высокий семейный состав» [1929, с. 11], с другой — преимущество оленных хозяйств по количеству человек и экономических показателей по сравнению с безоленными хозяйствами [Там же, с. 43]. Средний размер тунгусского хозяйства в устье р. Хомолхо составлял 4,7 чел., в районе оз. Толондо — 2,5 чел., устье р. Тельмама — 3,4 чел., р. Мамакан — 4 чел. (рассчитано по табл. 1). Вместе с тем распределение хозяйств по количеству человек и наличию оленей показывает, что оленные хозяйства тунгусов стойбищ Толондо и Мамакан крупнее, чем безоленные (табл. 4). Разница между ними составляет от 1,7 до 2,9 чел. Обратная ситуация наблюдается для тунгусов со стойбища Хомолхо. Якутские оленные хозяйства проживали только в районе Мамакана. В отличие от тунгусов, для якутов не прослеживается прямой зависимости между размером хозяйства и наличием оленей. Если владельцами оленей у первых, как правило, являются семейные хозяйства, то у вторых это могут быть одиночные хозяйства в силу особенностей их формирования на данной территории. Не прослеживается четкой связи между количеством оленей, размером и составом хозяйств. Среди безоленных и оленных хозяйств встречаются одни и те же типы семей. Хотя четыре хозяйства тунгусов, владевших от 10 до 25 оленей, насчитывали от 5 до 10 чел., представляя сложные семейные хозяйства, включавшие супружескую пару и разных родственников. Самое крупное из них (10 чел.) владело 25 оленями. Большие хозяйства (от 5 до 9 чел.) выявлены среди безоленных хозяйств стойбища Хомолхо.

Таблица 4

Распределение хозяйств тунгусов и якутов по количеству человек и наличию оленей

Стойбище	Общее число хозяйств	С оленями			Без оленей	
		Число хозяйств	В них чел.	У них оленей	Число хозяйств	В них чел.
<i>Тунгусы</i>						
Толондо	4	3	10	21	1	2
Мамакан	12	5	29	66	7	14
Хомолхо	21	11	47	86	10	52
<i>Якуты</i>						
Толондо	4	Нет	Нет	Нет	4	10
Мамакан	10	8	17	115	2	3
Хомолхо	6	Нет	Нет	Нет	6	15

Некоторые особенности демографических процессов в среде кочевого населения...

Полученные характеристики по каждому стойбищу позволяют говорить о одновременном переходе тунгусов на полукочевой и оседлый образ жизни. Характеристики населения, проживающего в районе оз. Толондо и р. Мамакан, указывают на оседание прежде всего бедных одиноких и малосемейных хозяйств, для которых прииски предоставляли возможность заработка. Одними из первых совершили переход хозяйства в устье р. Хомолхо. Именно здесь была построена большая часть стационарных жилищ, доля бездомных и бедных семей была наименьшей к моменту проведения переписи [Самохин, 1929, с. 16, 61]. Население наряду с традиционными занятиями осваивало навыки скотоводства, участвовало в заготовке леса для прииска [Там же, с. 17, 23, 45]. Согласно описанию, «...тунгусские хозяйства с озера Толондо не являются типичными охотничьими хозяйствами. В момент переписи они были втянуты в отхожие промыслы по лесозаготовкам на прииске “Светлый” и сумели приспособить свой хозяйственный обиход применительно к потребностям лесозаготовительного промысла» [Там же, с. 61]. Так же как в Хомолхо, в хозяйствах имелись не только олени, но и рабочие лошади, коровы, свиньи, птица. Менее всех успело адаптироваться к новым условиям существования население Мамакана, у которого отмечалось очень крупное сокращение поголовья оленей (с 94 до 74 голов) за 1926–1927 гг. в отличие от остальных, сохранивших его на одном уровне [Там же, с. 38].

В целом анализ этнодемографической ситуации в среде кочевого населения, проживающего в районе приисков, показывает, что в результате изменения условий традиционного природопользования и необходимости приспособления к новой ситуации наиболее уязвимыми демографическими показателями являются соотношение полов, ведущее к диспропорциям половозрастной и брачной структур, как правило, в пользу мужчин, состав и размер семей, свидетельствующие о распаде традиционных связей и отношений. Те же демографические процессы наблюдаются в среде современного коренного населения, оказавшегося в зонах промышленного освоения (горно-рудных и нефтегазовых разработок). Таким образом, происходит отбор населения, готового сохранять традиционный образ жизни, приспособлявая его к новым обстоятельствам, неизбежно сопровождающийся обеднением и маргинализацией части населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- БГГА. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3
ГАИО. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 2.
ГАКК. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 78.
Андерсон Д. Дж., Инешин Е.М., Зайкер Дж. Пространственная демография «дальней тайги» долины реки Жуи в Восточной Сибири // Изв. Лаб. древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. Вып. 7. С. 224–246.
Бодайбинский район: История [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://pribaikal.ru/bodajbinskij-history.html> (на 13.04.2010).
Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М.: Наука, 1979. 244 с.
Всесоюзная перепись 1926 г. Т. 6: Сибирский край. Бурято-Монгольская АССР. Народность, родной язык, возраст, грамотность / ЦСУ Союза ССР. М., 1928. 401 с.
Дальняя тайга: Неофициальный сайт п. Перевоз Бодайбинского района Иркутской области. История поселка [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://tauga.myl1.ru/index/0-4> (на 13.04.2010).
Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // ТИЭ. М.: Наука, 1960. Т. 55. 622 с.
Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 270 с.
Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
Майнов И.И. Некоторые данные о тунгусах Якутского края // Тр. ВСОИРГО. Иркутск: Типо-литография П.И. Макушина, 1898. № 2. 220 с.
Материалы Приполярной переписи 1926–1927 гг. в Сибирском крае. Вып. 2: Территориальные итоги хозяйственной переписи / ЦСУ Сиб. краев. статистический отдел. Новосибирск, 1929. 200 с.
Миллер Г.Ф. История Сибири. М.: Вост. лит., 2005. Т. 3. 598 с.
Патканов С. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Зап. Императорского Русского географического о-ва по отд-нию этнографии. Т. 31. Ч. 1. Тунгусы собственно. Вып. 1. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1906. XII. 83 с.
Самохин А.Т. Тунгусы Бодайбинского района // Сиб. живая старина. Иркутск, 1929. Вып. 8–9. С. 5–66.
Терлецкий Л.Е. Население Крайнего Севера: (По данным переписи 1926–1927 гг.) // Тр. науч.-исслед. ассоциации Ин-та Народов Севера ЦИК СССР. Л.: Тип. Коминтерн, 1932. Т. 1. Вып. 1/12. 65 с.
Туруханская экспедиция Приполярной переписи: Этнография и демография малочисленных народов Севера. Красноярск: Поликор, 2005. 448 с.

Е.А. Волжанина

Volzhanina E. The Interpretation of Nenets Demography in the first third of the XX Centuries // The 1926/27 Soviet Polar Census Expeditions. A Re-discovery of Russia's Northern Peoples and Their Lands. N. Y.; Oxford: Berghahn Books. В печати.

Тюмень, ИПОС СО РАН
nyabako@mail.ru

The article proceeds studying a demographic situation among native minor peoples of the Russian North, basing on data of the Circumpolar census in 1926–1927. The author considers an ethnodemographic situation among nomadic Tungus and Yakut groups inhabiting the territory of gold mining, whose traditional nature management was drastically changed by early XX c. The analysis of the initial sources made it possible to reveal typical demographic features testifying to destruction of traditional links under new economic conditions. One could see a selection of the population ready to observe a traditional mode of life, trying to adapt it to new circumstances, which was inevitably accompanied by impoverishment and marginalization of certain population. Under the new situation, the most vulnerable demographic indexes being sex ratio, leading to disproportion of sex-and-age and marital structures in favour of males, as well as a family composition and size. Such processes could be regarded as common among Northern peoples influenced by an industrial development of XX c.

Ethnodemography, Evenks, Yakuts, native Northern peoples, Circumpolar census.